

А.М. КОКОУРОВ

К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

Деятельность Русской православной церкви (РПЦ) в целом и ее отдельные аспекты в частности в постсоветскую эпоху привлекали и продолжают привлекать внимание многих исследователей. Одним из таких аспектов стала ее миссионерская работа в Восточной Сибири во второй половине XIX в. Она, как известно, была сопряжена с необходимостью переводов православного вероучения на языки «просвещаемых» народов. Эффективность работы миссий напрямую зависела от успешности в постановке переводческого дела.

Таким образом, просветительская работа служителей культа была связана с глубоким погружением в культуру просвещаемых народов, так как именно подобный подход помогал понять все нюансы и тонкости языка. Переводческая деятельность православных миссионеров и ее лингвистические аспекты в частности являлись важнейшей и неотъемлемой частью миссионерской работы РПЦ в Восточной Сибири. Потому они представляют большой интерес с точки зрения исследования культурно-исторического развития региона.

Итак, деятельность миссионеров Восточной Сибири, прежде всего, состояла в изучении языков и диалектов автохтонов, которые, как правило, не имели письменности. Служители культа фактически должны были создать письменность на основе их разговорных языков, и только потом осуществлять переводы книг Св. Писания. Рассматриваемый нами регион имел довольно разнообразную палитру диалектов, что существенно затрудняло выработку единой концепции переводов, а следовательно, и снижало темпы деятельности переводческих школ. Тем не менее, многие народы, имеющие ныне и собственную письменность, и литературные традиции, их появлению во многом обязаны православным миссионерам, стоявшим у истоков их создания.

Иркутская епархия во второй половине XIX в. являлась одним из крупнейших в России переводческих центров, имевшем собственные сложившиеся традиции. Глубокие лингвистические исследования и переводы книг религиозного характера осуществляли духовные семинарии Иркутска и Якутска. Следует отметить, что немалую роль в этом процессе играл субъективный фактор, так как успешность подобных исследований, а так же переводческой деятельности во многом зависела от личности архиерея, его устремлений и политики, проводимой епархиальной администрацией.

В самом начале второй половины XIX в. Иркутскую епархию возглавлял архиепископ Нил (Исакович, 1838–1853), снискавший себе славу энергичного руководителя, талантливого миссионера и исследователя. Этот период местные церковные историки назвали целой эпохой в переводческом деле Иркутской миссии (*Флоренсов В. Из истории переводческого дела // Иркутские епархиальные ведомости. 1908. № 6. С. 252; № 12–13. С. 383–384*). Прибыв на Иркутскую кафедру, Нил полагал своим долгом оживить переводческую деятельность местной миссии. Он прежде всего сам основательно изучил монгольский язык, а так же в число своих ближайших помощников включал компетентных специалистов.

По поводу бытования богослужебной литературы, переведенной на монгольский язык под руководством Нила, в научной литературе существовали и продолжают существовать различные мнения. Нам же в данном случае интересен процесс организации им лингвистических исследований в Иркутской епархии. Нил предпринял следующие очень важные, на наш взгляд, шаги: во-первых, в епархиальном центре создал, говоря современным языком, инициативную группу, которая целенаправленно занималась переводческой деятельностью; во-вторых, инспектируя обширные епархиальные владения, побуждал миссионеров Якутии и Забайкалья к аналогичным активным действиям; в-третьих, планируя введение в епархии богослужений на языках аборигенов, большое внимание уделял подбору и расстановке кадров, которые бы стали ему опорой на ниве просветительской деятельности. Так, в Иркутске к переводческой работе Нил привлекал тункинского миссионера, бывшего ламу, протоиерея Н.Н. Доржеева, который впоследствии сотрудничал с ним на протяжении длительного времени. Еще в середине 1840-х гг. посетив Якутск, архиепископ назначил священником местной Преображенской церкви Д.В. Хитрова (впоследствии епископ Якутский, 1870–1883), талантливого миссионера. Кроме того, Нил обратил внимание тамошнего духовенства на необходимость активизации переводческой деятельности (*Исторические записки о Якутской епархии, собранные по случаю 25-я ея самостоятельности // Якутские епархиальные ведомости. 1895. № 11. С. 165–167*).

Следует отметить, что с 1853 г. лингвистические исследования в Якутии существенно активизировались с включением ее в состав Камчатской епархии. В этот период Якутский Спасский монастырь стал резиденцией епископа Иннокентия (Вениаминова). Он, выпускник Иркутской духовной семинарии (1868–1879 гг. — митрополит Московский), на протяжении длительного времени возглавлял православную миссию в российских владениях на Аляске и достаточно успешно занимался просвещением аборигенного населения. Иннокентий хорошо изучил быт, нравы и язык алеутов, учредил школы и духовную семинарию в Новоархангельске (1848) (*Пивоваров Б. Краткий очерк истории миссионерской деятельности русской православной церкви // Миссионер. обозрение. 1995.*

№ 1; Широков С. Святитель Московский Иннокентий — апостол Сибири и Америки // Журн. Московской патриархии. 1996. № 6). Своими трудами он заложил основу научных исследований по этнографии, лингвистике и истории североамериканских народов (Hale C.R. Innocent of Moscow, the apostol of Kamchatka and Alaska, 1877).

В 1858 г. в Якутск из Новоархангельска была перемещена семинария, а ее ректором назначен Д.В. Хитров. С этого времени в ней формируется ядро исследователей, не только желающих скорейшего осуществления переводов книг Св. Писания на якутский язык, но в кропотливом труде со знанием дела, осуществлявших этот процесс. И.А. Гончаров в своем произведении «Фрегат Паллада» так описывает труды якутского духовенства: «...здесь в религиозном отношении делается то же самое, что уже сделано для алеутов.

Один из миссионеров... священник Хитров, занимается составлением грамматики якутского языка, для руководства и обучения якутов грамоте. Она уже кончена... Кроме якутского языка, евангелие окончено переводом на тунгусский язык, который, говорят, сходен с маньчжурским, как якутский с татарским. Составлена, как я слышал, и грамматика тунгусского языка, все духовными лицами...» (Гончаров И.А. Фрегат Паллада. С. 400).

Сам же епископ Иннокентий (Вениаминов) полагал, что уже подготовленные переводы должны проходить тщательную сверку и апробацию, в ходе которых корректировка неизбежна, а «...что совершенно не может быть устранено... должно быть исправляемо и разъясняемо при помощи описаний, сравнений, исторических рассказов и др. способов» (Стуков Ф. Богослужение на якутском языке // Якутские епархиальные ведомости. 1895. С. 153–159).

Нил (Исакович), но в большей степени Иннокентий (Вениаминов) в своей деятельности контактировали с Казанским и Петербургским переводческими центрами. Причем Казанская духовная академия по праву может быть названа методическим центром на протяжении длительного времени оказывавшим всестороннюю помощь и поддержку восточно-сибирским миссионерам. Там плодотворно работали хорошо известные профессора Н.И. Ильминский, А.А. Бобровников, В.В. Миротворцев. Кроме того, прочные деловые контакты в разные годы связывали миссионеров Восточной Сибири и профессоров Казанского университета А.К. Казем-Бека, А.В. Попова, Н.Ф. Катанова.

Таким образом, с полным основанием можно утверждать, что лингвистические труды архиепископа иркутского Нила (Исаковича) и Камчатского Иннокентия (Вениаминова) стали своеобразным прологом интенсивной исследовательской работы православных миссионеров Восточной Сибири, где в последствии получили известность имена А.М. Орлова, К. Стукова, А. Аргентова и др.